

И. Б. Тесленко

Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода) Часть II. Хронология¹

ольшое значение керамического материала для датировок археологических комплексов различных эпох со времени массового появления изделий из обожженной глины и до финала средневековья отмечается практически всеми специалистами-археологами. Справедливы и актуальны высказывания исследователей средневековых древностей Крымского полуострова о том, что находки керамики зачастую служат единственным критерием для датировки археологических объектов [1, с. 84; 2, с. 82]. Однако к настоящему времени детальная хронология самой керамики, в том числе и поливной, все еще не разработана.

Базой для ее разработки выступают археологические комплексы памятников Крыма конца XIV—XV вв.² По характеру образования археологические комплексы подразделяются на два основных типа — субструкции архитектурных сооружений (I) и генетически разнообразные культурные отложения (II). Последние по особенностям их образования делятся на 3 варианта.

II.1. Закрытые комплексы³. К такого рода отложениям относятся слои пожаров внутри архитектурных сооружений; погребальные комплексы с одноактными захоронениями; клады; остатки кораблекрушений, а также, видимо, заполнение ям, произведенное одновременно или за короткий промежуток времени [4, с. 188].

II.2. Залегающие *in situ* напластования длительного непрерывного формирования, то есть накопившиеся постепенно, в процессе жизнедеятельности людей (разнообразные «мусорные свалки», другие отложения, связанные с сооружением, функционированием и постепенным разрушением фортификационных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов, погребальные комплексы с многократными подзахоронениями пр.).

II.3. Искусственно перемещенные отложения, образовавшиеся за относительно короткий промежуток времени в процессе передвижения ранее сформировавшихся седиментов (нивелирующие подсыпки и «засыпи» пр.). Не всегда можно достаточно четко разграничить варианты II.2 и II.3.

Отдельный тип (III) составляют деструктурированные отложения, неоднократно перемещавшиеся в разные периоды времени вплоть до современности. Артефакты из них не могут быть использованы для хронологических построений.

¹ Часть первая — «Типология, распространение, происхождение» — опубликована в ежегоднике «Древности — 2010».

² Под археологическим комплексом подразумевается сочетание артефактов и других объектов, пространственно ограниченное от других таких же сочетаний, в основе которого лежит отдельное событие или процесс [3, с. 44].

³ Совокупность объектов, найденных в положении, позволяющем надежно заключить об их одновременном выпадении в отложения [3, с. 44].

Информация, получаемая при анализе материала из различных напластований неравноценна. Отложения II.1 — фиксируют «горизонтальный» (единовременный) срез материальной культуры. Напластования II.2 отражают процесс естественного выхода вещей из оборота и изменения набора артефактов с течением времени, заключают в себе информацию о развитии или смене бытовых культур и стилей. Следует учитывать, что наибольший процент «оседания» артефактов в такого рода отложениях, скорее всего, приходится не на пик их распространения, а на завершающую стадию бытования. В особенности это относится к вещам с короткими временными рамками существования. Отложения II.3 показывают присутствие в слоях тех или иных артефактов на момент перемещения седимента (часто, особенно на многослойных памятниках, материал таких отложений разновременный с довольно большим диапазоном датировок, однако, возможна фиксация определенного хронологического рубежа, соответствующего времени перемещения). Подобную информацию содержат и субструкции архитектурных сооружений, фиксирующие наличие определенных предметов на момент возведения кладки.

Все виды седиментов второго типа могут использоваться для построения хронологических схем при наличии хронологических индикаторов (хорошо датируемых артефактов, например, монет), или хронологических реперов (отложения, архитектурные сооружения, или их отдельные строительные периоды, соотносимые с определенными точно датированными событиями, отраженными в письменных или эпиграфических источниках) [5, с. 163]. Также необходимы детальная стратиграфия объекта, основанная на реальных культурных слоях, а не абстрактных «штыках», и тщательность отбора керамики [6, с. 6–156].

Таким образом, для разработки хронологической шкалы любой категории артефактов, в том числе и поливной керамики Таврики XV в., пригоден только материал из археологических комплексов, для которых достаточно точно можно установить их тип и вариант (I, II.1–3), а также пространственные и временные рамки. Культурные слои должны отделяться от сопредельных седиментов и соотноситься с надежными хронологическими индикаторами или хронологическими реперами.

Качество методики раскопок и фиксации материала на изучаемых в разное время позднесредневековых памятниках Крыма не одинаковы. Удалось выделить 10 памятников с комплексами XV в., при исследовании которых получена информация более или менее соответствующая критериям, необходимым для хронологических построений.¹

¹ В целом проанализированы данные по 52 объектам, на которых зафиксированы находки XIV—XV вв., и материал которых оказался в разной степени доступным автору по публикациям, либо отчетной документации и музейным коллекциям без ущемления авторских прав других исследователей. На 40 из них производились раскопки: Херсонес (городище); мыс Виноградный и Сарандинакина балка (монастырские комплексы); Балаклава (Чембало; городище); Кадыкой (поселение); Мангуп (городище); Бакла (городище); Пампук-Кая (храм, поселение); Кыз-Куле (Черкес-Кермен; храм); Ласпи («приморское» поселение с могильником, поселение Шабурла, храм на г. Мачук); Форос (храм с некрополем); Бекетово (Кучук-Кой; могильник); Симеиз (укрепление и храм); г. Хачла-Каясы (Крестовая; храм на укреплении); Верхняя Ореанда (храм на СЗ склоне г. Крестовая); Ялта (храм с некрополем на холме Паликур); Массандра (храм с некрополем); Никита (храм с некрополем); Гурзуф (городище); Партенит (городище); Аю-Даг 1, 3 (монастырский комплекс в бухте Панаир; храм с некрополем на СВ плече); Малый Маяк 1, 2 (храмовый комплекс на г. Ай-Тодор; храм с некрополем на южной окраине); Алушта (крепость Алустон, храм с некрополем на ЮВ склоне Крепостной горки); Фуна (крепость; 3 храма на некрополе, некрополь); Сотера (храм с некрополем); Генеральское (храм на источнике Ай-Андрей); Чобан-Куле (замок, храм на поселении); Судак (городище, посад); г. Перчем (монастырский комплекс); Кордон-Оба (замок Калиера; монастырский комплекс); Тепсень (Посидима) (поселение); Феодосия (Каффа, городище); округа Каффы — поселение в пойме

1. Балаклава. Отложения № 8–10 в башне Барнабо Грилло, строения хозяйственно-бытового назначения с внешней стороны башни (ямы № 1 и 2), нивелирующие подсыпки генуэзского периода внутри барбакана и на проезде [7, с. 7–57; 8, с. 9–38, 49–51; 9, с. 7–8; 12–15; 10, с. 479–496].

2. Мангуп. Цитадель, княжеский дворец (1425–1475 гг.) со слоем пожара 1475 г.; слой № 2 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун [11, с. 79; 12, с. 417; 2, с. 100–101, рис. 40–44; 13, с. 261–263, рис. 5–20; 14, с. 378–392, рис. 10–18, 22].

3. Чуфут-Кале. Горшок с кладом, тезаврация которого определяется 60-ми гг. XV в. [15, с. 120–123].

4. Аю-Даг, храм на северо-восточном плече. Отложения типа II.2,3, связанные со строительством и функционированием храма и некрополя [16, с. 3–39; 17, с. 71–73, 79–80, рис. 2; 5; 6].

5. Малый Маяк, храм на южной окраине. Отложения типа II.2,3, связанные со строительством, функционированием и разрушением храма, функционированием некрополя [18, с. 260–296; 19].

6. Алустон. Около 80 жилых и хозяйственных помещений; 2 башни последней линии обороны; сантехнические сооружения; отложения типа II.2,3 у башен Орта-Куле и Ашага-Куле [20; 21; 22; 23; 24; 25; 2, с. 100; 26; 10, с. 289–345; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Производственный комплекс (бронзолитейная мастерская) на территории посада крепости Алустон [33, с. 427–428].

7. Фуна. Замок, объекты внутри крепостного периметра (надвратная церковь, башня-донжон, «северная» башня, 3 внутренних двора, 14 жилищно-хозяйственных помещений, 2 сантехнических сооружения) и предшествовавшие возведению крепостных стен (8 помещений) [34; 35; 36; 37; 38; 21; 22; 39, с. 97–115; 2, с. 100–101; 10, с. 112–123 362–400; 444–478; 40; 41; 42; 43]. Двухапсидный храм на некрополе (нижние яруса могил № 4 и 7) [44, с. 201–203, рис. 8: 1, 2].

8. Чобан-Куле. Отложения, связанные с возведением и разрушением крепости; слой разрушения храма на поселении [45, с. 205–245].

9. Каффа. Помещение № 3 с тандыром и 2 хозяйственные ямы на восточном склоне Карантинного холма; водосборник у башни Криско; храм Св. Стефана; производственный гончарный комплекс [46, с. 378; 47, с. 68; 48, с. 120, 128–129; 49, с. 16–18, рис. 1–2; 50, с. 211–229, табл. 6. 36–49; 51, 28–29].

10. Кринички II, поселение, жилищно-хозяйственные комплексы второго и третьего строительных периодов [52, с. 9–179].

В целом выделено более сотни археологических комплексов различных типов (II.1–3), которые в рамках с рубежа XIV–XV вв. до последней четверти XV — начала XVI вв. представляют 12 хронологических отрезков.

1. Конец XIV — начало XV вв.: крепость Фуна — строения, предшествовавшие сооружению крепости (XXIII, XXIV, XXVII, XXVIII, VII, VIII, XXV, XXVI), нижняя нивелирующая подсыпка двора № 3 [43, 2005, с. 47–49, рис. 39–40; 34, с. 14–15, рис. 45; 47; 36, с. 16–17, рис. 5, 9; 37, с. 8–10, 33–34, рис. 4, 30; 22, с. 32–33, 86–87, 92, рис. 78, 114–116, 118, 120, 123; 41, с. 5–6]; двухапсидный храм с некрополем у крепости Фуна (нижние яруса могил № 4 и 7) [44, с. 201–203, рис. 8: 2, 1]; храм с некрополем на

р. Байбуги, поселение на берегу бухты Тихой, армянский монастырь в Двужкорной долине; Старый Крым (городище Солхат); округа Солхата — поселения Кринички II и Бокаташ II; Мирмекий (поселение Пондико), Керчь (Корчев, городище). В 12 пунктах осуществлялись шурфовки: Инкерман (Каламита; городище), Чуфут-Кале (городище), Бойка (монастырская базилика), Керменчик (замок), Сюрень (укрепление), храм на Ласпинской яйле, Голубой Залив (поселение), г. Хачла-Каясы (территория укрепления), Верхняя Ореанда (территория укрепления на г. Крестовая), Учансу-Исар (крепость, поселение на склоне г. Ставри-Кая), Аю-Даг 2 (поселение на ЮЗ склоне).

Σ
Δ
Γ
Ε
Τ
Υ

северо-восточном плече г. Аю-Даг — отложения, связанные с ремонтом здания [16, с. 25]; золотоордынское поселение Кринички II — жилищно-хозяйственные комплексы второго и третьего строительных периодов [52, с. 9–179].

2. Конец XIV (?) — первая половина XV вв.: храм на южной окраине с. Малый Маяк — отложения, связанные с возведением храма и устройством первых погребальных сооружений [18, с. 261; 19, с. 44–45, рис. 153, 157, 166, 162]; храм с некрополем на северо-восточном плече г. Аю-Даг — слои, накопившиеся в процессе активного функционирования прихрамового некрополя (№ 18, 20, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35) [16, с. 21–22, 24].

3. Вторая четверть XV в.: крепость Фуна — «кузница»; помещения XXI, XXX [43, с. 60–63, рис. 44–45; 37, с. 16–17, рис. 37–39; 40, с. 18, 24, 26–27, 82]; Балаклава — слой пожара (№ 10) в башне Барнабо Грилло [7, с. 22–23, рис. 102]; Каффа — заполнение строительной траншеи храма св. Стефана в юго-восточной части Каффы [50, с. 211–229, табл. 6.36–49].

4. 20-е гг. — третья четверть XV в.: Каффа — помещение № 3 с тандыром и 2 хозяйственные ямы на восточном склоне Карантинного холма [49, с. 16–18, рис. 1–2].

5. 20-е гг. — последняя четверть XV в.: Каффа — гончарная мастерская [51, с. 28–29].

6. Вторая треть XV в.: Балаклава — нивелирующая подсыпка (сл. № 9) в башне Барнабо Грилло, ямы № 1 и 2, слой коричневого с зеленоватым оттенком грунта на скальной поверхности внутри барбакана [7, с. 20–22, 24–26, рис. 82, 90, 93, 95–100; 101]; Алустон — помещения 8, 9, 44, слой пожара и разрушения, культурные слои, подстилающие дневную поверхность времени сооружения куртины четвертой линии обороны, отложения между третьей и четвертой линиями обороны [20, с. 3–4, 22; 22, с. 7–8; 31, рис. 32: 1, 2; 32, с. 20–22, 27–28, рис. 34: 10; 30, с. 71–74, рис. 104–109].

7. Середина XV в. — третья — четвертая(?) четверти XV в.: храм на южной окраине с. Малый Маяк, отложения, связанные с функционированием храма и некрополя [18, с. 261; 19, с. 35–42, рис. 152, 161, 162, 165, 167].

8. Начало 60-х(?) гг. XV в.: Балаклава, башня Барнабо Грилло — выравнивающая подсыпка под покрытием двора барбакана, нижняя часть заполнения цокольного пространства барбакана [9, с. 7–8, 12–13, рис. 102–105].

9. Вторая — третья четверти XV в., с комплексом 1475 г.: цитадель, княжеский дворец на Мангупе [11, с. 79; 12, с. 417; 2, с. 100–101, рис. 40–44; 13, с. 261–263, рис. 5–20].

10. Середина — вторая половина XV в. со слоем пожара 1475 г.: бронзолитейная мастерская на территории посада крепости Алустон [33, с. 427–428].

11. Конец 50 — начало 60-х гг. XV в. — 1475 г., со слоем пожара 1475 г. Алустон — квадратная (Орта-Куле) и круглая (Ашага-Куле) башни, около полу сотни жилищно-хозяйственных комплексов, выгребная яма и водосток с внешней стороны куртины четвертой линии обороны [20, с. 20–21; 22, с. 18; 24, с. 4–8; 26, с. 157–162, 165–171, рис. 24–35, 41–43; 10, 314–345, рис. 195–208, 217–221, 225–226, 352; 29, с. 28; 31, с. 9, рис. 33.1]; крепость Фуна — надвратная церковь, 11 помещений, накопитель для сбора нечистот, выгребная яма, дворы 1–3, северная башня, донжон [43, с. 63–81, рис. 47–60; 10, с. 362–370, 444, рис. 316–342]; Чабан-Куле — отложения, связанные с возведением и разрушением крепости, храм на поселении [45, с. 205–245, рис. 22, 26]; Каффа — водосток у башни Криско [48, с. 129]; Чуфуг-Кале — горшок с кладом [15, с. 120–123].

12. Последняя четверть XV—XVI вв.: Алустон — нижний горизонт зольника на участке башни Орта-Куле, культурные отложения в районе башни Ашага-Куле [31, с. 7; 32, с. 10–14; 26, с. 150–160, рис. 11–1, 4, 6, 11, 12–1–4, 13–19, 21, 22; 10, 296–314, рис. 182–187, 190, 192–194, 209; 30, с. 70–71]; храм с некрополем на северо-восточном плече г. Аю-Даг, слой № 15 [16, с. 15–16]; храм на южной окраине с. Малый Маяк, отложения, образовавшиеся при частичном разрушении церкви [18, с. 161–162; 19, с. 33–34, рис. 152]; Мангуп, юго-восточный склон мыса Тешкли-Бурун, слой № 2 [14, с. 378–392, рис. 10–18; 22].

Для более объективного восприятия предлагаемых построений следует отметить некоторые особенности исходных данных.

Во-первых, распределение керамического материала по выделенным периодам не одинаково. Наиболее массово и разнообразно представлены находки из объектов второй-третьей четверти XV в. и конца XV — начала XVI вв. Что касается комплексов, датированных рубежом XIV—XV вв., количество керамики из них, в особенности реконструируемых форм, незначительно. Вызывает затруднение также точное определение верхней даты этих комплексов, то есть остается неясным, «заходят» ли они в первую четверть XV в. и насколько далеко. Керамика из них подобна находкам из объектов 60–80-х гг. XIV в. (см. напр. [53, рис. 11–16; 54, рис. 1–5; 55, рис. 17–25]). Прояснить ситуацию могли бы материалы закрытых комплексов первой четверти XV в., но в распоряжении автора настоящего исследования их пока нет.

Во-вторых, в большинстве публикаций и отчетов отсутствует равноценный подход к фиксации и первичной обработке керамики. Более тщательно отбираются и фиксируются неординарные артефакты (с сюжетными изображениями, монограммами, импорт, целые или реконструируемые формы) которые демонстрируются в качестве иллюстративного материала. При описании же массовых находок зачастую используются довольно абстрактные понятия «много», «мало», «незначительное количество», «большинство», «отдельные находки» и т. п. В основном отмечается факт наличия той или иной группы артефактов, а не их количество. Это затрудняет реконструкцию динамики бытования (появления, пика распространения и выхода из оборота) различных групп массового материала.

В этой связи интересны результаты исследований храмов на северо-восточном плече г. Аю-Даг и на южной окраине с. Малый Маяк, проводимые автором. Здесь удалось получить подробную стратиграфию и произвести тщательный отбор и подсчет обломков керамики по группам, видам, типам, секциям и сериям в каждом слое¹ [16, с. 3–38; 19, с. 8–78]. Процесс формирования отложений и состав артефактов на этих объектах, безусловно, имеют свою специфику, отличную от поселенческих памятников [18, с. 261–270]. Тем не менее, при таком уровне фиксации становится возможным проследить интенсивность обращения определенных групп предметов во времени и определить их процентное соотношение на разных хронологических этапах. Хотя из-за значительной фрагментарности керамических находок реконструировать целые формы, порой, довольно сложно.

По количеству реконструируемых форм поливной посуды наиболее представительны материалы раскопок жилищно-хозяйственных, санитарно-технических и фортификационных объектов Алусона, Фуны, Чабан-Куле, Мангупа, Каффы. Они позволяют сформировать мнение о видовом, типологическом и стилистическом разнообразии поливной керамики местного производства XV в., а также некоторых аспектах ее детальной хронологии. Однако в большинстве случаев сложно определить процентное соотношение различных классификационных единиц в культурных отложениях, так как качество фиксации массовых находок зачастую оставляет на это мало шансов².

В целом, сопоставление и анализ керамики из представленных археологических комплексов позволил разработать детальные морфологическую и хронологическую классификации гончарных изделий в рамках XV в. Морфологическая классификация

¹ Учитывались обломки размером до 1 кв. см. Единицу измерения — 1 фрагмент — следует признать условной, однако, даже такая фиксация позволяет проследить динамику распространения отдельных групп сосудов во времени.

² В исследовании этих памятников наиболее информативны и методически показательны раскопки части погибшего в пожаре строения замка Фуна, проведенные В. П. Кирилко [43, с. 65–67, рис. 47–60]. Подробный план всех найденных *in situ* предметов и тщательное их описание дают основания для полной реконструкции вещевого комплекса сохранившейся части дома.

местной поливной посуды Таврики XV в. — группы Юго-Восточного Крыма (ЮВК) — приведена в первой части исследования. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы в рамках предложенной классификации рассмотреть различные особенности (технологические, стилистические) поливных сосудов группы ЮВК в качестве их значимости для узких датировок и выделить признаки, которые могут быть использованы для детальной хронологии.

Рассмотренная в первой части работы история обращения различных морфологических типов поливной посуды позволяет предположить, что ее видовой и типологический состав не претерпевал значительных изменений на протяжении исследуемого периода. Широкий (минимум вторая половина XIV—XV вв.) диапазон бытования практически каждого из выделенных типов сосудов не позволяет использовать признак формы в качестве хронологического индикатора для узких датировок в рамках XV в. [56, с. 217–224].

В большей степени был подвержен модным тенденциям и различным культурным влияниям декор. Перемены в нем более очевидны и фиксируются на относительно коротких промежутках времени. При этом следует учитывать, что устойчивыми качественными признаками декора выступают отдельные его элементы, которые использовались в различных сочетаниях. Хронологически значимыми для керамики Таврики исследуемого периода являются именно мотивы орнамента в сочетании с техникой декора, а также особенности использования цветовой гаммы и манера исполнения элементов рисунка.

Так две секции, выделенные в рамках отдела II.2¹, отличаются также хронологически (рис. 1). Техника нанесения рисунка широким и узким резцами в сочетании с монохромной поливой достаточно широко применялась в украшении столовых сосудов средиземноморско-причерноморского региона на протяжении примерно двух с половиной столетий. В XIV в. она распространилась на обширной территории, находившейся под влиянием византийской и золотоордынской культур, в том числе, в керамическом производстве Таврики (см. напр. [57, р. 21–22; 83–87, 201–216; 58, 195–203; 53, рис. 8; 59, с. 325–347]). Некоторые орнаментальные мотивы и стиль их исполнения на сосудах отдела II.2, секции «а» находят близкие аналогии в декоре византийской керамики группы «Elaborate incised ware» второй половины XIV в. (см напр. [60, р. 122–123; 56, рис. 3.II]). Вероятно, отдельные элементы орнамента копировались местными мастерами по импортным образцам. Начало местного производства посуды этой секции, скорее всего, относится ко времени не позднее последней четверти XIV — первой четверти XV вв. Стратифицированные находки изделий в комплексах XV в. распределяются следующим образом. В крепости Фуна в нивелировочной подсыпке двора № 1, дата которой — середина — начало третьей четверти XV в., найдены частично реконструированные чаши (2) и тарелка (1), а также обломок дна сосуда открытой формы [56, рис. 3.II]². Аналогичная целая форма обнаружена в погребении на могильнике XV в. в устье р. Кубань, более узкая датировка затруднительна [61, рис. 1: 3]. Одно блюдо происходит из слоя пожара второй четверти XV в. крепости Чембало [7, рис. 102]. Остальные находки здесь, как и на крепости Алустан, фрагментированы и в основном, переотложены. В общей массе поливной керамики из раскопок храма с некрополем в с. Малый Маяк, наиболее активное функционирование которого приходится на середину XV — третью четверть XVIII вв. (нижняя дата — конец XIV — первая половина XV вв.) изделия секции «а» составляют менее 1 % из числа фрагментов поливной посуды. В объектах со слоями пожара 1475 г. реконструируемые формы встречаются

¹ Сосуды с гравировкой широким и узким резцами под монохромной глазурью [56, с. 224–226, рис. 3.II].

² Одна из чаш опубликована в монографии В. Л. Мыца как происходящая из слоя пожара 1475 г. [10, рис. 331]. Эта информация ошибочна, см. [40, с. 87, рис. 86].

редко. Известны находки двух тарелок, одна из которых (с монограммой из двух литер «Т» и «Х») происходит из княжеского дворца Мангупа [2, рис. 43], вторая — из башни Орта-Куле крепости Алустон [26, рис. 27,2] и одной чаши из жилой застройки крепости Алустон [10, рис. 226,1]. В первом случае период формирования комплекса определяется в рамках второй — третьей четверти XV в. (1425–1475 гг.) [12, с. 417]. Во втором — 60–70-ми гг. XV в. [26, с. 172], в третьем — второй половиной XIV—XV вв. Еще один фрагмент борта чашки найден при раскопках укрепления Чобан-Куле, период существования которого ограничен 1459/60–1475 гг. [45, с. 205–245, рис. 22: 3]. Таким образом, на объектах, период существования которых ограничен третьей четвертью XV в. найдены всего 2 изделия. Исходя из этого, можно предположить, что пик распространения керамики секции «а» отдела II.2 приходится на первую половину (вторую четверть?) XV в., а в третьей четверти этого столетия она постепенно выходит из оборота.

Вместо того появляются изделия секции «б» отдела II.2, обладающие иными стилистическими признаками [56, с. 226, рис. 3.III]. Декор их демонстрирует общие принципы построения орнаментальных композиций и общность орнаментальных мотивов с полихромной керамикой отдела III. Датируется эта керамика в рамках третьей четверти XV в. [62, с. 328–336]. В более ранних комплексах находки ее к настоящему времени не известны.

Особенности использования цветовой гаммы в украшении посуды отдела III.1–3¹ позволяют выделить 4 секции сосудов, которые образуют 2 хронологические группы (рис. 1).

III.A. С подцветкой графического рисунка пятнами трех минеральных красителей на основе окислов марганца, меди и железа, дающими пурпурно-фиолетовый, зеленый, желто-коричневый цвета.

III.B. С внешней двухцветной (зеленой и коричневой) подцветкой графического рисунка и монохромной зеленой или коричневой поливкой внутри (с орнаментом сграффито или без дополнительных украшений).

III.C. С внешней двухцветной (зеленой и коричневой) подцветкой графического рисунка и монохромной светло-желтой или светлой зеленовато-желтой поливкой внутри.

III.D. С внутренним, или с внутренним и внешним полихромным декором с использованием двух минеральных красителей (зеленого и желто-коричневого или коричневого) под светло-желтой или светлой зеленовато-желтой поливкой.

К ранней хронологической группе относятся изделия секции III.A. Раскраска окислом марганца (как самостоятельно, так и в сочетании с графическим декором) на керамике группы ЮВК, получает широкое распространение со второй четверти XIV в. [63, с. 86]. На крепости Алустон реконструируемые сосуды открытой формы с подцветкой орнамента сграффито тремя минеральными красителями найдены в заполнении построек, погибших в пожаре второй половины XIV в. (пом. 41) [22, с. 15–16], а также датирующихся достаточно широко — в рамках XIV—XV вв. (пом. 52, 101) [23, с. 37–38; 27, с. 14–15]. В отложениях первой половины XV в. количество такой керамики незначительно. Например, в культурных слоях храма и некрополя в с. Малый Маяк, найдено всего 4 мелких обломка сосудов открытой формы секции III.A. В объектах третьей четверти XV в. отдельные фрагменты такой керамики встречаются только на многослойных памятниках (крепость Алустон, пом. 36) [22, с. 18; 24, с. 4–5]. Они, скорее всего, перемещены из более ранних слоев.

Изделия секции III.B также более характерны для комплексов второй половины XIV в. [63, с. 87; 64, с. 500–502, рис. 2: 4, 5; 65, рис. 3, 8]. В коллекции керамики из раскопок храма с некрополем в с. Малый Маяк секция III.B составляет менее 1 % (обломки 7 сосудов). Наиболее крупные обломки и частично реконструируемые

¹ С гравировкой и полихромной росписью [56, с. 226–228, рис. 4].

XV век	III четв.	Ш.1 с моногр. князей	Ш.1, 2-я с мон. "ТХ"	П.2-а	Ш.2-б	Ш.А	Ш.В	Ш.С, D	Ш.Д со спец. с изобр. голубя
	IV четв.								
XIV век	IV четв.								
	I четв.								
III четв.	II четв.								
	III четв.								

Рис. 1. Хронологическая таблица декорированной поливной керамики местного производства, встречающейся в археологических комплексах Крыма XV в.
 Fig. 1. Chronological table of the local production glazed decorated ceramics from the archaeological complexes of Crimea of XV century

формы происходят из погребальных комплексов и слоев, датируемых около середины XV в. Фрагмент верхней части миски найден также в заполнении помещений, предшествовавших сооружению крепости Фуна [43, рис. 40: 2].

Реконструируемые формы сосудов серкций III.A и III.B в комплексах третьей четверти XV в. со слоями пожара 1475 г. не найдены. Верхнюю дату их наибольшего распространения следует ограничивать, вероятно, рубежом XIV—XV вв. Примерно к середине XV в. они постепенно выходят из оборота, составляя незначительное число находок в массе поливной керамики уже ко второй четверти столетия.

Вторая хронологическая группа включает изделия секций III.C, D. Ко второй—третьей четверти XV в. они абсолютно доминируют в археологических комплексах как в Таврике, так и за ее пределами (см. напр. [49, с. 16–18; 13, с. 68–72; 44, рис. 22; 43, рис. 44, 48–55; 26, с. 157, рис. 25–35; 63, с. 86]).

По имеющимся материалам определены также отдельные стилистические серии сосудов, датировку которых можно еще больше сузить и конкретизировать (рис. 1). В их числе следующие.

1. Серия изделий с изображением голубей, выполненным в одной творческой манере¹ [43, с. 349–358, рис. 1–6]. Выделена в рамках секции «D» отдела III.1. Датировка серии по условиям находки не выходит за рамки 60–70-х гг. XV в.

2. Сосуды с монограммами представителей династии правителей Готии, читаемыми как «Исаак» и «Александр» (отдел II.1) [66, с. 295, рис. 2: 5, 3: 8, 9; 8.1]. Можно предложить их узкую датировку, ограниченную периодом правления этих господ на Мангупе: соответственно 1465 — лето 1475 гг. и июль(?) — декабрь 1475 г. Или же более широкую, соответствующую выходу на политическую арену в качестве соправителей, наследников первого мангупского князя Алексея I (с конца 50-х гг. XV в.) [10, с. 401]. В любом случае, период бытования изделий не выходит за рамки третьей четверти XV в. — 1458(?)–1475 гг.

Характерны для XV в., но с более широкой датой, блюда, чаши и чашки с монограммами из двух литер — «Т» и «Х» (отдел II.1и II.2-а) (рис. 1). Их распространение синхронно периоду становления и существования на политической арене Таврики Мангупского княжества — т. е. с конца первой — до конца третьей четверти XV в. [10, с. 418]. Более узкая датировка затруднительна.

Таким образом, исходя из представленных материалов можно предложить следующие наблюдения по поводу бытования в рамках XV в. различных декорированных поливных сосудов местного производства (рис. 1). Изделия с использованием пурпурно-фиолетовой краски в подцветке графического рисунка (III.A), а также с двухцветной раскраской внешней стороны борта и темной желто-коричневой или зеленой поливой внутри (III.B) не получили широкого распространения в XV в. Незначительное количество находок таких сосудов характерно для комплексов первой половины (первой трети?) XV в., к середине столетия они выходят из оборота. Возможно, их изготовление прекращается уже к рубежу XIV—XV вв., или в первой четверти XV в. Примерно в этот же период, т. е. в конце XIV — первой четверти XV в., появляются сосуды секции «а» отдела II.2. Они достигают наибольшего распространения к середине (второй четверти?) XV в., к концу третьей четверти этого же века, вероятно, постепенно выходят из оборота. Для третьей четверти XV в. более характерны сосуды, украшенные в той же технике (гравировка широким и узким резцами под монохромной светло-желтой поливой), но с использованием других мотивов орнамента (секция «b» отдела II.2), более свойственных полихромной керамике отдела III секций «С» и «D» [56, с. 226]. Однако их производство также не было массовым.

¹ Следует отметить, что сами по себе изображения голубей на полихромной керамике XV в. не редкость (см. напр. [26, рис. 34, 35; 10, рис. 211.2,5]). Однако именно особый «почерк», проявившийся в деталях рисунка, позволил В. П. Кирилко выделить серию сосудов, принадлежащих руке одного мастера [43, с. 349–358].

Ко второй–третьей четвертям XV в. доминирующие позиции среди местной декорированной посуды занимают полихромные изделия отдела III.1–3 секций «С» и «D» с характерным набором орнаментальных мотивов [56, с. 228]. Отделить комплексы третьей четверти XV в. от более ранних становится возможным при наличии в одном контексте с полихромными сосудами III.1-3.C-D хронологических индикаторов с более узкими временными рамками. К их числу относятся, например, импортные поливные горшки и кувшины группы ГРВ [67, с. 92], столовые сосуды группы «Miletus wares» [68, с. 393–394], испано-мавританский люстр с декором в стиле «лист чертополоха» [69, с. 477], а также местная поливная керамика отдела II.2-b, серии сосудов с изображениями голубей в специфической манере и с монограммами представителей династии правителей Готии, читаемых как «Исаак» и «Александр». Последние позволяют сузить дату комплекса до 60–70-х гг. XV в.

Ключевые слова: Крым, поливная посуда, археологический комплекс, хронология, хронологический индикатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Таллис Д. А.* Керамический комплекс Баκлинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1982.
2. *Мыц В. А.* Укрепления Таврики X–XV вв. — К., 1991.
3. *Колтаков Е. М.* Теория археологической классификации — СПб., 1991.
4. *Белинский И. В.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. — Азов, 1998. — Вып. 15.
5. *Шаров О. В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.): сб. науч. трудов. — СПб., 1992.
6. *Каменецкий И. С.* Городища донских меотв: вопросы датировки. — М., 1993.
7. *Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. — СПб., 2003.
8. *Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. — СПб.; Симферополь, 2004.
9. *Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. — СПб.; Симферополь, 2005.
10. *Мыц В. А.* Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.
11. *Леттер Р. Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. — 1913. — Вып. 47.
12. *Якобсон А. А.* Дворец [в Мангупе] // МИА. — М.; Л., 1953. — Т. 34
13. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. А. Мыца. — К., 2005.
14. *Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. — Симферополь, 2006. — Вып. XII.
15. *Козлов А. Ф., Майко В. В., Полканов Ю. А., Шутков Ю. И.* Кырк-Ерский клад близ южных ворот городища Джуфт (Чуфут)-Кале // АБУ 2001–2002 рр.: сб. науч. праць. — К., 2003.

16. *Тесленко И. Б., Семин С. В., Лысенко А. В.* Отчет о раскопках христианского храма на северо-восточном склоне горы Аю-Даг (пгт. Партенит) и участка на западном склоне Крепостной горки, за пределами оборонительных рубежей крепости Алустон (г. Алушта) в 1999 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 627. — Папка № 1027.
17. *Лысенко А. В., Тесленко И. Б.* Античные и средневековые памятники г. Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. — К., 2002.
18. *Тесленко И. Б., Лысенко А. В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: сб. науч. трудов. — К., 2004 г.
19. *Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Турова Н. П.* Отчет о раскопках средневекового христианского храма на южной окраине с. Малый Маяк в 2003 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 1032 — Папка № 1380–1381.
20. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 232. — Папка № 506.
21. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1985/12в.
22. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1986/25.
23. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1987/27.
24. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1988/30.
25. *Мыц В. А.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1989 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1989/32.
26. *Мыц В. А.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. — К., 2002.
27. *Мыц В. А., Адаксина С. Б.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1990/21“6”.
28. *Мыц В. А., Адаксина С. Б.* Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1991/11.
29. *Мыц В. А., Адаксина С. Б., Кирилко В. П.* Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1992/119.
30. *Мыц В. А., Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б.* Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 793 — Папка № 1282.
31. *Мыц В. А., Семин С. В.* Отчет об архитектурно-археологических предпроставрационных исследованиях средневекового укрепления Алустон в 1994 г. (участок башни Орта-Куле) // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 346. — Папка № 681.
32. *Тесленко И. Б., Семин С. В.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 581. — Папка № 959.
33. *Телиженко С. А., Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Чабай В. П.* Отчет об археологических исследованиях (научно-археологических экспертизах) на территории г. Алушта и Алуштинского горсовета в 2009 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 1346. — Папка № 1710.
34. *Мыц В. А.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1980 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1980/10п.
35. *Мыц В. А.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1981 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 1981/3д.

36. *Мыц В. А.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 1982/25д.
37. *Мыц В. А.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 170. — Папка № 371.
38. *Мыц В. А.* Отчет об археологических исследованиях средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1984 году // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 231. — Папка № 504.
39. *Мыц В. А.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — К., 1988.
40. *Мыц В. А., Кирилко В. П.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 281. — Папка № 573.
41. *Мыц В. А., Кирилко В. П.* Отчет об археологических исследованиях укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 312. — Папка № 603.
42. *Мыц В. А., Кирилко В. П.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое в 1994 г. // Архив КФ ИА НАНУ. — Д. № 345. — Папка № 680.
43. *Кирилко В. П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг. — К., 2005.
44. *Айбабина Е. А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. — К., 1991.
45. *Кирилко В. П.* Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: сб. науч. трудов. — К., 2004.
46. *Петерс Б. Г.* Отчет о работе Феодосийско-Михайловской экспедиции в 1975 г. // Архив ИА НАНУ. — № 1975/98.
47. *Айбабина Е. А.* Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — К., 1988.
48. *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. — М., 1995. — Вып. 2.
49. *Айбабина Е. А.* Раскопки в Феодосии // АИК 1994 год: сб. науч. трудов. / Ред. В. А. Кутайсов (отв. ред.) и др. — Симферополь: Сонат, 1997.
50. *Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.* Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. — Т. 57 — 1997.
51. *Aibabine E., Botcharov S., Mytz V.* A Glaze pottery Workshop of the XVth century at Caffa // VIIe Congres International sur la Ceramique Medievale en Mediterranee, (Thessaloniki, 11–16 octobre 1999). — Thessaloniki, 1999.
52. *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Золотоордынское поселение Кринички (Результаты полевых исследований) // — СПб., 2002.
53. *Белинский И. В., Масловский А. Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. — Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. — Вып. 15.
54. *Белинский И. В., Масловский А. Н.* Импортная поливная керамика Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
55. *Масловский А. Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 гг. — Азов, 2006. — Вып. 21.
56. *Тесленко И. Б.* Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Ч. I: Типология, распространение, происхождение. — Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
57. *Byzantine glazed ceramics. The Art of Sgraffito* / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. — Athens: Arcaeologikal receipts Fund. — 1999.

58. *Franzois V.* Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine á l'époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
59. *Тесленко И. Б.* Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
60. *Vroom J.* Byzantin to modern pottery in the Aegen — 7th to 20th century. — Bijleveld, 2005.
61. *Волков И. В.* Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II междунар. научн. конф. (Ялта, 19–23 ноября 2007). — Ялта, 2007.
62. *Тесленко И. Б.* Об одной группе поливных сосудов второй половины XV в. из раскопок крепости Алустон // Херсонесский сборник. — Севастополь, 2003. — XII.
63. *Масловский А. Н.* Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.: II междунар. науч. конф. (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). — Ялта, 2007.
64. *Гинькут Н. В.* Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. — Iași, 2005.
65. *Яшаева Т. Ю.* Поливная керамика из загородных монастырей Херсона // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
66. *Мыц В. А.* Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV—XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
67. *Тесленко И. Б.* Хронология одной группы кухонных горшков из раскопок средневековых памятников Крыма // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII междунар. конф. (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). — Х., 2010.
68. *Тесленко И. Б.* Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К., 2005.
69. *Тесленко И. Б.* Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004.

Резюме

Тесленко И. Б. Полив'яний посуду Криму XV ст. (місцеве виробництво до турецького періоду) Частина II. Хронологія

В статті розглянуто питання детальної хронології полив'яного посуду з археологічних пам'яток Таврики XV ст., виготовленого на території півострову. Для розробки хронологічної шкали цієї категорії артефактів залучено матеріали із надійно датованих археологічних комплексів різних типів. Встановлено, що хронологічне значення для полив'яної кераміки досліджуваного періоду мали мотиви орнаменту в поєднанні з технікою декору, а також особливості використання кольорової гами та манера виконання елементів малюнку. Саме аналіз технічних прийомів, мотивів

декору та манери їх виконання дозволили розробити детальну хронологію орнаментованої кераміки місцевого виробництва та виділити серед неї стійкі хронологічні індикатори, що дозволяють датувати археологічні комплекси в межах половини, чверті й менше століття.

Ключові слова: Крим, полив'яний посуд, археологічний комплекс, хронологія, хронологічний індикатор.

Summary

I. Teslenko. The Crimean Glazed Pottery of the 15th cent. (Local Production Before Turkish Invasion). Part II. Chronology

The questions of detailed chronology of the local manufactured Glazed ceramics from Crimean 15th century archeological monuments are considered in article. For creation of a chronological scale of these artifacts the materials from well dating archeological complexes of different types are involved. The motives of ornaments, techniques of a decor, color scale and the manner of figures elements making have the chronological values for Glazed ceramics of the investigated period. The results of analysis once have allowed to create the detailed chronology of the local manufactured decorated ceramics and to allocate chronological indicators among them. These indicators allow dating archeological complexes within the limits of half, quarters and fewer centuries.

Key words: Crimea, glazed ceramics, archaeological context, chronology, the chronological indicator.

